

Социология массовых коммуникаций

© 2023 г.

Е.А. ОСТРОВСКАЯ, Т.Б. БАДМАЦЫРЕНОВ, С.В. ВАСИЛЬЕВА

МЕДИАТИЗИРОВАННОЕ ПРАВОСЛАВИЕ: МИССИЯ В КИТАЕ

ОСТРОВСКАЯ Елена Александровна – доктор социологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, профессор кафедры теории и истории социологии, Санкт-Петербург, Россия (e.ostrovskaya@spbu.ru); БАДМАЦЫРЕНОВ Тимур Баторович – доктор социологических наук, заведующий кафедрой политологии и социологии (batorovitch@mail.ru); ВАСИЛЬЕВА Светлана Владимировна – доктор исторических наук, заведующая кафедрой религиоведения и теологии (sv_vasilieva@mail.ru). Оба – Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Улан-Удэ, Россия.

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования современных коммуникативных практик православной миссии в Китае с позиций социоконструктивистского подхода к трактовке медиатизации и порождаемых ею коммуникативных фигураций. Фигурация православной миссии в Китае – это многообразные транслोकальные переплетения разных категорий акторов, практик и медиа. На микроуровне локальных фигураций православная миссия в разных городах КНР, Гонконга и Тайваня представлена констелляцией акторов, включающей конкретного священника и прихожан. Миссия определяется как чуждая прозелитизму, но нацеленная на индивидуальный диалог с человеком в духовном поиске. Православная миссия использует Интернет и новые медиатехнологии для создания собственной медианиши со своим репертуаром доктринальной и богослужебной литературы, языком религиозного обращения, доступным для потенциального или актуального верующего. Данный кейс интересен в разрезе изучения самой возможности православной миссии в обществах религиозного плюрализма, но вместе с тем и глубоко секуляризированных, коммерциализированных и индивидуализированных.

Ключевые слова: медиатизированное православие • Китай • миссионерская деятельность • цифровая религия

DOI: 10.31857/S013216250022669-8

Введение. В последние годы появились публикации о практиках цифрового православия, медиатизированного буддизма, цифровых религиозных СМИ, публичных имиджах традиционных религий. Исследователи задаются вопросами о степени медиатизированности традиционных религий – их отношении к Интернету и новым медиа, о возможностях и границах выведения религиозных практик в онлайн-формат, об изменениях, привносимых офлайн/онлайн-комбинациями религиозных коммуникаций. Наш опыт показывает, что ответы на вопросы о медиатизированной реальности религии следует искать в плоскости эмпирических исследований.

В статье рассматриваются современные коммуникативные практики православной миссии в Китае. Данный кейс позволяет соприкоснуться с ответами на вопросы о возможностях православной миссии в обществах религиозного плюрализма, но вместе с тем и глубоко секуляризированных, коммерциализированных и индивидуализированных. Тема сущности

православной миссии в условиях медиатизации современности – это сравнительно новый разворот как в деятельности РПЦ, так и в научных исследованиях.

Согласно большинству исследовательских работ, православная миссия в Китае прекратила официальное существование еще в 1954 г. В 1956 г. все недвижимое имущество РПЦ передано в собственность КНР, Китайской православной церкви (КПЦ)¹ предоставлена автономия [Горбачев, Манакова, 2013: 96–98]. В период «культурной революции» храмы были полностью или частично разрушены, священство и миряне подвергнуты жесточайшим гонениям. Не миновала эта участь и Китайскую автономную православную церковь (КАПЦ), утратившую большинство своих храмов и клир [Косых, 2019: 146]. В этот период в среде китайского чиновничества закрепился тезис об идеологическом тождестве православия и российской внешнеполитической стратегии [Курто, 2012: 343].

Возрождение православной миссии в Китае началось лишь в конце 1990-х – начале 2000-х гг. в рамках принятого РПЦ курса на возобновление духовного окормления стран Востока. В образовательной программе Московской духовной академии и семинарии (МДАиС) появились учебные курсы по преподаванию восточных языков, в том числе и китайского. В 2001 г. МДАиС открыла Дальневосточный центр, учебные программы которого ориентированы на подготовку специалистов для миссионерского служения в странах Дальнего Востока [там же: 348]. Дальневосточный центр установил долгосрочные связи с духовными образовательными учреждениями Тайваня и Гонконга, в которых смогли пройти языковые стажировки священники, желавшие заниматься в перспективе православной миссией в Китае. Возобновлена деятельность Православного братства святых апостолов Петра и Павла в Гонконге. В качестве ключевых целей духовной активности Братство позиционировало поддержку религиозной деятельности КАПЦ, осуществление проекта по переводу православной литературы на китайский язык и окормление граждан РФ, живущих в Китае [Поздняев, 2006; Косых, 2017]. Совместной инициативой Дальневосточного центра и Братства стала идея создания подворья КАПЦ, учрежденного в 2011 г. указом патриарха Кирилла [Курто, 2012: 349].

Анализ публикаций российских и китайских исследований показывает, что, несмотря на серьезные шаги, предпринятые образовательными и миссионерскими структурами РПЦ, православная миссия в Китае развивается медленно и в сложной социокультурной ситуации. В отечественных работах акцентируется проблема ограничений миссионерской деятельности китайским законодательством, включая запрет на миссионерство и любую религиозную активность на территории Китая для религий, не имеющих статуса официальных, требование для «иностранных религий» адаптации языка и практики богослужений к этнокультурным реалиям современного Китая [Дацышен, 2007; Афонина, 2018; Ломанов, 2021; Лукин, 2013]. Исследования китайских религиоведов концентрируются на связи православной миссии с осуществлением политических интересов России [Ли Ин-нань, 2019]. Они рассматривают православие как религию «малой народности русских», проживающих в трех автономных районах Китая, подчеркивая, что за их пределами православие не представлено [Чжань Фань, 2015; Лян Чжэ, 2015].

Социологических исследований православной миссии в ее нынешнем виде не принималось. Одной из причин могут выступать правовые ограничения на православную богослужебную деятельность в КНР и слабая изученность форматов миссии в Гонконге и на Тайване. Поэтому изучение возможностей и коммуникативных практик православной миссии в Китае сквозь призму медиатизации открывает доступ исследователям к удаленным и труднодоступным объектам.

Методология и методы исследования. Эмпирическая часть исследования проводилась в период с апреля по сентябрь 2022 г. в два этапа. На первом этапе собрана и проанализирована информация о миссии из общедоступных источников – упоминания,

¹ Китайская Автономная Православная Церковь // Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1143899.html> (дата обращения: 02.08.2022).

интервью и статьи о православной миссии в Китае, размещенной на православных онлайн-ресурсах (patriarchia.ru, pravoslavie.ru, predanie.ru, drevo-info.ru; сайте радио «Вера»; YouTube-каналах Православных духовных академий), проведен сравнительный анализ с данными научных публикаций. В результате выявлены разнообразные категории акторов (священников, общин и организаций внутри РПЦ), медиа, опосредующие их деятельность, и онлайн-практики. Однако характер связей между ними, их смысловое наполнение и релевантность задачам миссии не являются очевидными.

Адекватной методологией для изучения такого сложного объекта представляется социоконструктивистский подход (см. подробнее, напр.: [Островская, 2020]). Здесь ограничимся определением и кратким рассмотрением двух его аналитических единиц, использованных в качестве инструментария, – концепции коммуникативных фигураций [Непп, Hasebrink, 2014; Couldry, Nepp, 2017] и понятия «медиамнообразия».

Алгоритм эмпирического исследования коммуникативной фигурации следует выстраивать с учетом ключевой характеристики периода глубокой медиатизации. А ее спецификой является «медиамнообразие» (media manifold), которое делает возможным выявление двух неочевидных в прямом наблюдении, но взаимосвязанных аспектов реальности: положение социального актора в широкой институционализированной среде взаимозависимых медиа и ситуативная сложность выбора медиа в повседневной ситуации актора. В исследовании необходимо изучать и то, и другое, а также взаимосвязь этих двух аспектов медиатизированной реальности [Couldry, Nepp, 2017: 52, 54–56].

На волне цифровизации формируются небывалые прежде компоновки акторов, коммуникативных практик и медиа, обозначаемые как коммуникативные фигурации [Непп, 2020: 109–111]. Фигурации – это устойчивое переплетение акторов, их коммуникативных практик, увязанных общим фреймом релевантности, и медиа-ансамблем [Couldry, Nepp, 2017: 66]. Конstellляция акторов – это структурная основа фигурации, которая может быть образована индивидуальными акторами, коллективами или организациями. Каждая фигурация имеет только одну конstellляцию акторов, воспринимающих себя как ее часть. Индивиды вовлечены в фигурацию через ту роль или позицию, которыми они закреплены в конstellляции. Фрейм релевантности дает ориентир для осмысленного взаимодействия акторов и вместе с тем является смыслом фигурации. Коммуникативные практики – это те формы коммуникативного действия, которые реализуются в среде медиамнообразия. Медиа-ансамбли образуют среду, через которую осуществляется коммуникативная фигурация. Речь идет не об одном медиа, превалирующем или формирующем коммуникацию фигурации. Медиа-ансамбль включает в себя те медиа, которые формируют фигурацию. В этом контексте важно учитывать различие понятий «медиа-репертуары», маркирующее специфику индивидуального способа выстраивания смыслов посредством медиа, и «медиа-ансамбль» как среда коммуникаций для всей конstellляции акторов [Непп, 2020: 104–105].

Концепция коммуникативных фигураций является удобным инструментарием, поскольку позволяет масштабировать объект исследования. Так, на макроуровне фигурация может быть рассмотрена как состоящая из переплетения акторов, практик и медиа нескольких фигураций. На мезоуровне фигурация предстает как переплетение индивидуальных акторов, общин и организаций, а также их фреймов релевантности и коммуникативных практик, опосредуемых медиа [Непп, Hasebrink, 2018]. В нашем эмпирическом исследовании этот концептуальный компонент принципиален, поскольку фигурация православной миссии в Китае при детальном изучении предстала как фигурация фигураций – сложная композиция структур, организаций, акторов, связанных друг с другом коммуникативными практиками и медиа-ансамблем, релевантными тематическому фрейму миссии РПЦ в Китае. Ориентируя наше исследование как мезоуровневое, мы сконцентрировались на той части фигурации, коммуникативные практики и медиа-ансамбль которой объединяют священников и мирян, проживающих в Гонконге, КНР, на Тайване и в России.

На втором этапе мы провели 27 экспертных и биографических интервью с целевой выборкой, наполняемой респондентами. В выборку попали российские священники,

проживающие в КНР, Гонконге и на Тайване. Кроме того, сделаны экспертные интервью со священниками Китайского подворья и Отдела внешних церковных связей РПЦ. Респондентам были предложены вопросы об определении миссии и ее практической реализации в офлайн- и онлайн-активностях; о функциональном назначении медиа, используемых самим священником, и о тех, которые опосредуют коммуникативные практики миссии; группа вопросов об общинах и приходах в соответствующих регионах Китая. Наряду с интервью, мы задействовали метод анализа онлайн-текстов медиа, созданных в целях миссии или используемых в коммуникациях миссии (сайты, мобильные приложения, блоги респондентов на медиаплатформах).

Конstellляция акторов: транслокальные связи. Анализ онлайн-публикаций в православных СМИ и на православных цифровых платформах показал, что упоминания о православной миссии в Китае связаны с коммуникативными практиками Дальневосточного центра при МДА, созданного «с целью формирования миссионерской базы для проповеди христианства в Дальневосточной ойкумене»², и гонконгского православного братства, возглавляемого российским священником. В ответах на запросы в епархиальные миссионерские отделы неизменно приходило имя этого священника. В результате изучения православных YouTube-каналов обнаружены видеоролики о рукоположении китайских священников в стенах храмов российских ПДА. Двое из них – выпускники Санкт-Петербургской духовной академии, один служит в Харбине³, другой – во Внутренней Монголии КНР⁴. Третий отучился заочно в Хабаровской ПДА⁵ и служит в Гонконге. Упоминания о них встречаются в научных публикациях. Однако по данным экспертных интервью оказалось, что китайские священники, служащие в Харбине и во Внутренней Монголии, несколько дистанцированы от коммуникативных практик российских священников.

Сравнительный анализ материалов интервью показал, что служение в православной миссии – это призвание и осознанный выбор, сопряженные с решением стать священником, получить образование в Духовной семинарии, глубоким интересом к китайской культуре, истории и опытом погружения в повседневность современного Китая. В отсутствие четко отстроенной церковной подготовки религиозных профессионалов такого профиля, их формирование предстало в каждом случае как уникальный биографический путь. Вместе с тем в интервью обнаруживается некий общий организационный фрейм вовлечения в миссию: обучение в Московской или Хабаровской православной семинарии, рукоположение, освоение китайского языка на базе Дальневосточного центра, несколько лет языковых стажировок на Тайване в католическом университете. Таким образом, обозначенные православные образовательные организации оказываются вплетенными в конstellляцию акторов фигурации православной миссии в Китае. Кроме того, анализ биографических интервью показал, что включение в деятельность миссии любого нового актора предполагает одобрение со стороны священства, инициировавшего возрождение православной миссии в Китае. Священники знакомы друг с другом, соотносены в своей деятельности через один и тот же медиарепертуар и используемый фигурацией медиа-ансамбль.

Российские священники увязаны также с самоорганизующимися локальными православными общинами посредством коммуникативных практик богослужений, проводимых на

² В Дальневосточном центре при МДА обсудили вопросы создания Катехизиса на китайском языке. Православие.ru, 26.11.2020. URL: <https://pravoslavie.ru/43091.html> (дата обращения: 19.09.22).

³ Хиротония во пресвитера диакона Александра Юй / The ordination of the presbyter Alexander Yu. YouTube-канал «Санкт-Петербургская Духовная Академия», 04.10.2015. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hjLP1sHOg88> (дата обращения: 19.09.22).

⁴ Иерейская хиротония Павла Сунь Мина / Priest ordination of Pavel Sun Min. YouTube-канал «Санкт-Петербургская Духовная Академия», 2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pd0zYlJYel> (дата обращения: 19.09.22).

⁵ Рукоположение в священники. Новости. GuberniaTV GuberniaTV – YouTube-канал медиахолдинга «Губерния» (г. Хабаровск). 05.12.2014. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ifLdRxmott0> (дата обращения: 19.09.22).

территориях российских посольств и консульств в таких городах КНР, как Харбин, Шанхай, Гуанчжоу, Шэньчжэнь, и в провинции Ляонин. К этой констелляции акторов принадлежат также российские священники, возглавляющие приходы в Гонконге и на Тайване, а также члены этих приходов. Общим для всех интервью было указание на полинациональный состав общин и приходов, костяк которых, как правило, составляют русские, сербы, греки, проживающие в Китае, с определенной долей прихожан-китайцев, ханьцев и неханьцев. В Гонконге и на Тайване китайские прихожане составляют треть от состава приходов.

Тематический фрейм миссии: «Если люди придут, мы должны быть здесь». Вопрос о миссионерстве в условиях запрета на миссию в материковом Китае и неуспешности стандартных миссионерских приемов для повседневности тайваньского и гонконгского обществ оказался самым сложным для исследования. Основным препятствием на пути адекватного научного понимания тематического фрейма православной миссии в условиях китайского общества выступают, на наш взгляд, привычные академические трактовки, закрепившиеся в востоковедении, религиоведении и даже социологии. В большинстве статей о статусе православной миссии в Китае миссионерство отождествляется с многочисленным штатом клириков, занимающихся проповедью на широкие аудитории, уличными акциями, «доведением людей до церкви». Кроме того, миссионерская деятельность трактуется сквозь призму государственно-конфессиональных отношений – границ и форм, допустимых для религиозной проповеди или практик с точки зрения государства. Еще на этапе сбора первичной информации мы столкнулись с противоречивыми тезисами – от утверждений о несуществовании в Китае ни православных священников, ни приходов до утверждений о беспрецедентных успехах «новых договоренностей». Стала очевидной необходимость введения в интервью блока вопросов о трактовке миссии в современных условиях, практик реализаций, а также возможностей и ограничений.

Начнем с трактовки православной миссии в Китае, предложенной в экспертном интервью с российским священником, служащим в Китайском Патриаршем подворье. Она интересна в двух аспектах: отражает официальную позицию РПЦ по духовной миссии в КНР, Гонконге, на Тайване и в диаспоре на территории России; учитывает законодательную и социокультурную специфику этих стран: «...в Китае исторически было православие, более 300 лет. Наша задача на самом деле не обратить весь Китай в православие, а нормализовать жизнь Китайской автономной православной церкви (КАПЦ), у которой были китайцы-епископы, священники-китайцы. У китайцев есть право исповедовать религию, у них есть декларируемый курс свободы вероисповедания. Наша задача сделать так, чтобы жизнь КАПЦ вылилась в реальную возможность. Никаким прозелитизмом мы не занимаемся, никого насильно не тащим. Но те, у кого есть желание, чтобы они имели возможность свои религиозные потребности реализовать. Миссия состоит в поддержке китайцев, которые сами свои общины создают. Мы отвечаем на запрос, готовы помочь тем, кто ищет истинного Христа. Господь призывает и в сердце человеческое стучит. Наша миссия, чтобы было куда прийти, даем людям физическую возможность прийти по зову сердца».

В интервью респондент разъяснил, почему РПЦ считает Китай «зоной своей ответственности»: «У каждой церкви есть каноническая территория, за которую она не имеет право выходить без разрешения другой церкви. Но помогать православным верующим найти Христа РПЦ имеет полное право. Это вопрос внутреннего церковного законодательства. У нас есть свое законодательство, внутреннее корпоративное право церкви. Например, Константинопольская православная церковь имеет священника и целого епископа в Гонконге, но они без нашего разрешения пришли на территорию Гонконга и миссионерствуют. Это так нужно понимать. По факту того, что мы в Китай пришли первыми и создали там КАПЦ, а она была в составе РПЦ и РПЦЗ, эта территория нашей ответственности» (о. А., интервью 16.09.22).

Из приведенных цитат следует, что сегодня миссия трактуется как религиозная поддержка и попечение, оказываемые священниками РПЦ верующим православным китайцам в ситуации все еще не восстановленного юридического статуса КАПЦ. Именно такая

трактовка как служения, а не прозелитизма звучит практически во всех интервью. В контексте нашего исследования необходимо понять: как формулируется тематический фрейм миссии, релевантный такой установке.

Одним из первых мы обратились с просьбой об интервью к священнику, создавшему еще в конце 1990-х гг. проект по организации православной миссии в Китае, потратившему десятки лет на его реализацию и имеющему опыт служения как на материковом Китае, так и в Гонконге. Он подчеркнул, что внутри российского православия отсутствуют школы миссионерства, нет четко структурированной методологии миссии, поэтому методы и практики миссии формируются на эмпирическом опыте. Собственный многолетний опыт православного миссионерства привел его к пониманию необходимости разворачивания миссии как диалога, «индивидуальной работы с человеком», не предполагающей навязывания информации или принуждения. Этот диалог должен учитывать языковую среду, традиции и современную этнонациональную культуру взаимодействия.

Когда я стал этим заниматься, в 1994–1995 гг., никто этим особо не занимался. В России <...> миссионерство было специфично, не органично. У нас нет каких-либо школ миссионерства. Были отдельные примеры миссионерского служения, но как таковой школы, структуры такой никогда не было. Методология миссионерства открывается эмпирическим путем. В современном секуляризированном обществе миссия не имеет шанса на массовый успех, это всегда будет индивидуальная работа. <...> ответ на индивидуальный интерес людей к духовной жизни, которая на самом деле всегда присутствует, в том числе и в современном секулярном мире, который лишен вертикальной составляющей. Современный мир дает человеку социальную альтернативу, но абсолютно игнорирует вопросы духовного порядка, они остаются не отвеченными. Люди, у которых есть стремление к духовной жизни и религиозной практике, всегда были, есть и будут. Скажем, в Гонконге и Китае люди часто не находят удовлетворяющий их ответ в рамках других религиозных течений, которые там представлены, в том числе католицизма и протестантизма, не говоря уже об атеизме и агностицизме. Интерес есть, не массовый, индивидуальный, ответ на него поэтому должен носить индивидуальный характер, ориентироваться на личность человека, который начинает интересоваться христианством. Лично я не считаю эффективной уличную миссию, особенно в городе. Житель большого города ограничен во времени и не очень любит навязывание рекламного типа. Люди устают, они перегружены ритмом городской жизни <...>. Они не хотят избытка информации. Я понимаю уличную миссию как навязывание.

Начав свое служение в Китае 2000-х гг., он обнаружил, что обществу неизвестны письменная традиция православия как конфессии и практики духовной жизни. В таком контексте одной из ключевых составляющих миссии стала деятельность по переводу и публикации православной, богослужебной, теологической литературы на китайский и английский языки. А понимание того, что современное общество является глубоко медиатизированным, влечет за собой трактовку православной миссии как опосредуемой медиакоммуникациями. И есть отчетливый фрейм релевантности задачам миссии – создание онлайн-библиотеки православной литературы с возможностями онлайн читательского пользования и покупки книг, организация православных групп в социальных сетях и мессенджерах, популярных в Китае, Гонконге, на Тайване.

Мы предоставляем информацию через медиа, иногда лекции проводим, иногда мероприятия. Например, выставка икон или выставка облачений. На мероприятия люди приходят, с ними можно поговорить. Но приходят люди, которые заинтересованы этой темой и этим общением. Это более адресно, в отличие от уличной миссии. Другое, что лежит на поверхности, – Интернет является средством коммуникации. А миссия, если говорить современным языком, есть коммуникация. Любые средства коммуникации имеет смысл использовать. Тем более что сейчас многие люди большую часть информации получают не в офлайне, а в онлайн, это присутствие в медиа необходимо. Мы много переводим и публикуем на китайском языке в формате книг. Последние десять лет в формате электронных книг тоже. У нас есть сайт: <http://www.orthodoxbookshop.asiafaq>. Все, что на нем есть, – это все нами переведено. Более 100 книг за эти годы. Сайт трехязычный – там есть русский интерфейс, английский, китайский как упрощенный, так и в китайских иероглифах (о. Д., интервью 03.08.22).

В Китае запрещено не только миссионерство, но и любая религиозная деятельность иностранных миссионеров и пасторов. В таком контексте само православное служение – существование общины, литургии, возможность обращения к православному священнику с вопросами или просьбой о крещении – трактуется в интервью как миссионерская деятельность: «То, что мы служим – это миссионерская деятельность. К нам приходят китайцы-католики. Мы живем как община, помогаем, поддерживаем в решении принять крещение. Нет миссионерства как агрессивного миссионерства, никого за грудки не хватаем, это здесь и вообще невозможно. В ситуации невозможности проповеди, проповедью становится дружная общинная жизнь. Для китайцев важно видеть православие как национальную веру, когда люди разных национальностей объединены общинной жизнью. Как показывают эти восемь лет, оно все равно работает, китайцы приходят, потому что мы здесь» (о. Д., интервью 09.09.22).

Проблема в том, что христианство хорошо знакомо китайцам благодаря новым медиа, им не нужны проповедники, да и не принят в китайской культуре такой тип духовного общения. Способ взаимодействия по религиозным вопросам, понятный и приемлемый с точки зрения китайской повседневной культуры, – это инициатива, идущая от самого человека. Здесь будет уместной цитата из интервью со священником, имеющим не только духовное и востоковедческое образование, но и продолжительный опыт жизни и служения в КНР:

Если про миссию, сразу надо сказать, что сейчас все совсем не так, как происходило во времена Петра Великого, или когда в Пекин приезжал Маттео Риччи. Сейчас все китайцы абсолютно знают о христианстве, все китайцы знают о Христе. Пусть даже не из уст миссионеров и пасторов, но все знают, что такое католицизм или протестантизм. Массовая культура и Интернет сделали свое дело – не надо объяснять, кто такой Иисус Христос, кто такой Бог. Я никому из граждан Китая не проповедую. Но поскольку китайцы довольно активные в религиозном поиске, они сами меня находят. То же самое и в отношении граждан Китая, которые попадают к нам на службу: я их не приглашаю, они сами приходят. Активной миссионерской деятельностью я не занимаюсь – нельзя в Китае, да и общество сейчас иное. Все ведь уже не так, как было раньше – шли люди на перекрестки улиц и там громко проповедовали. Так случилось, что в XXI в. информационных технологий люди сами находят священника. Тебе просто нужно быть и быть готовым к общению. Формально перед законом я чист – я никого не ищу, не призываю. Но, когда ко мне обращаются, я с удовольствием все рассказываю и объясняю, что к чему. Общаться не запрещено (о. И., интервью 27.08.22).

В отличие от материкового Китая, на Тайване православная миссия сталкивается с социокультурной замкнутостью, индивидуализированностью общества. В интервью со священником, возглавляющим приход на Тайване, миссия была определена как коммуникация, опосредованная медиа и адресованная человеку в духовном поиске. Опираясь на свой долгий опыт миссионерства, респондент пришел к трактовке миссии, как слагающейся из двух составляющих: пассивная миссия предполагает создание локальных приходов, организацию общинной жизни, катехизацию и богослужения; активная миссия состоит из двух направлений – формирование мультязычных медианиш православия и «семейных церквей». Он подчеркнул, что создание православных медианиш должно учитывать специфику медиатизации в конкретных регионах и задействовать медиа, которые там популярны. На Тайване таким медиа является YouTube.

Мне довелось развивать миссию в разных странах. По сравнению с другими странами, в тайваньском обществе очень трудно евангельскому семени прорасти и дать плоды. Тайваньское общество высоко прагматично, имеет хорошую вакцину от проповеди Евангелия и жизни по Евангелию отчасти после частичного пребывания в язычестве. Оно впитало в себя постхристианскую и постмодернистскую культуры потребления. Оба фактора привели к обществу очень атомизированному, сосредоточенному на потреблении, удобстве, себе и т.д. В этом контексте трудно привести тайваньца к вере православной, католической или протестантской. Этому обществу не нужно Евангелие и жизнь во Христе. Но на уровне отдельных личностей миссия необходима. Первое время мы много практиковали уличную миссию в фирмах, домах сирот, но успеха почти никакого не было. Со временем пришло понимание, что есть два основных

пути миссии. Первый – необходимо просто быть на приеме, существовать, люди находят нас сами. Кто-то через Интернет находит. Это пассивная форма миссии – нужна приходская жизнь, нужны материалы на китайском, чтобы люди могли молиться на китайском, катехизаторские занятия – все то, что необходимо для воцерковления человека. Второй путь – активная миссия. Она возможна по двум направлениям – Интернет, работа в социальных сетях и миссия через знакомство с родственниками и друзьями православных китайцев. На Тайване видео смотрят только на YouTube. Большинство людей присматривается: миссия в YouTube не приводит к быстрому результату в плане прироста прихожан. Особенно если речь идет о Китае и Тайване. Но она очень важна, поскольку это общество очень закрытое (о. К., интервью 31.08.22).

В интервью респондент отдельно отметил, что активная миссия должна учитывать атомизированность и закрытость тайваньского общества. В такой ситуации медиакоммуникации православного прихода становятся способом обратиться лично. Кроме того, в китайской культуре повседневности коммуникативная практика разговора о Боге приемлема только в формате личного, дружеского общения о православии, напоминающем семейное общение. И для такого общения нужен проводник, местный православный тайванец, опосредующий взаимодействие миссионера-иностранца, пусть и свободно говорящего на китайском, и тайваньцами, интересующимися православием. Активная миссия, релевантная современному китайскому формату коммуникации.

Здесь человек без приглашения со стороны какого-то друга или знакомого никуда не пойдет. Он сам не пойдет в храм что-то узнавать. Он будет что-то смотреть в Интернете, хотя у него может через дорогу этот храм. Когда это YouTube, мы сами приходим в дом, в сердце, так скажем, к этому человеку. Если прийти в дом к человеку офлайн, то это его к чему-то обяжет. А приход через YouTube не обяывает. Второе направление – знакомство с семьями и друзьями – это надо ходить от семьи к семье, вместе пить чай, заводить дружбу. Нечто подобное, что делал апостол Павел, – семейная церковь. Этот формат на Тайване работает. Чтобы он работал на постоянной основе необходим тайванец-помощник, потому что иностранец всегда останется кем-то внешним. Местный тайванец – мостик, без которого ничего не получится. На постоянной основе пока такого помощника нет. Все, кто новый к нам приходят, они именно так узнают от друзей или родственников. В кругу друзей, если кто-то стал православным, – это событие, заставляющее и других заинтересоваться, они, как правило, приходят вслед за ним (о. К., интервью 31.08.22).

Обобщая предложенные в интервью трактовки, отметим, что фрейм релевантности миссии выстраивается священниками в живой рефлексии о конкретике жизни современных мегаполисов, с учетом допустимого и в принципе возможного формата православного служения. Ключевой темой миссии является диалог, тонко настроенный на индивида, находящегося в духовном поиске, желающего исповедовать православие. И диалог этот следует вести на том языке, на котором говорит человек, использовать те инструменты, которые делают миссию доступной для любого ищущего.

Коммуникативные практики и медиа-ансамбль фигурации православной миссии в Китае. В каждом из интервью говорилось о богослужебных практиках, взаимодействии священника и мирянина, священника и оглашаемого, а также об общинных онлайн-коммуникациях в чатах, сайтах и тематических мобильных приложениях. Надо иметь в виду, что в силу транслोकальности православной миссии Китая и репертуар практик, состав медиа-ансамбля будут иметь локальные отличия.

В материковом Китае и православные богослужения, и любые религиозные онлайн-активности находятся под жестким контролем, а частью запрещены. Православие относится к так называемым неофициальным религиям и разрешено в форме богослужебной практики и открытой общинной жизни только в тех районах КНР, в которых проживают «русские как малая народность».

Православие для китайцев разрешено только в трех провинциях, приграничных с Россией. Это – Хэйлунцзян, Внутренняя Монголия и Синьцзян-Уйгурский автономный округ. Там служат китайские православные священники, которые учились в России, там были рукоположены. И все это было с ведома и разрешения государственного управления по делам религий Китая.

Они там служат и по сей день. Туда приходят в основном православные китайцы, которые относятся к национальностям, малым народностям – русским. Это китайцы, имеющие русские корни, чувствующие потребность поддерживать русские традиции и православную веру. В этих провинциях разрешено, но опять же, если община зарегистрирована и если священник является гражданином Китая. А в других провинциях, например, в Ляонин, где мы живем, нет такого разрешения. Если даже китайцы без китайского священника попросят зарегистрировать такую общину, и то вряд ли им разрешат, поскольку генерального разрешения в этой провинции нет. Есть законодательство, согласно которому иностранные проповедники не имеют права вести религиозную деятельность на территории Китая. А граждане Китая не имеют права собираться и отправлять религиозные богослужения без регистрации в специальном органе (о. А., интервью 08.09.22).

На вопрос о миссионерских практиках священники, живущие в материковом Китае, вне указанных районов, неизменно отвечали, что таковые законодательно запрещены и миссионерством они не занимаются. В таких условиях единственными доступными практиками миссии становятся богослужения, если они проводятся на территории российских посольств и консульств. Возможно общение православного священника с мирянами и интересующимися, если инициатива исходит от них самих, а взаимодействие контекстуально выстраивается как чаепитие в кафе. Важной практикой миссии стало также построение диалога с локальными представителями власти в целях получения разрешений на редкие богослужения в стенах православных храмов, сохранившихся на территории Китая, по большим православным праздникам.

В Харбине, например, храмы остались от белых эмигрантов, во Внутренней Монголии – деревянные храмы, которые в том или ином виде несколько столетий там находятся. В Шанхае есть собор, построенный еще при архиепископе Иоанне Шанхайском. И есть храм святителя Николая, построенный в 1930-х гг. казачьим атаманом. Храм святителя Николая сейчас переделан под библиотеку. Нам наконец-то удалось договориться, чтобы нам раз в месяц не бесплатно давали возможность проводить в нем службу. Три-четыре воскресенья месяца прежде, до последних событий, мы служили на квартирах. Потом это стало вообще невозможным. Меня «вызвали на ковер» и ткнули мне книжку с китайскими законами-правилами религиозного поведения иностранца в Китае. А там написано, что иностранцы имеют право проводить свои иностранные религиозные активности только с разрешения органов и только там, где это разрешено органами, только тогда, когда это разрешено отделом по делам религий. Поэтому мы очень попросили генконсула российского, и нам выделили комнату, где с понедельника по пятницу все подают на визы. По воскресеньям она пустует. Нам ее выдали в пользование, чисто на добром отношении генконсула к нам. Мы туда каждое воскресенье с утра пораньше приезжаем, расчехляем наши сумки, развешиваем иконы, ставим столики, покрываем тканью красивой, чтобы выглядело как престол. Так мы и служим в комнате при генеральном консульстве. Служим нашей православной общиной – я и все, кто имеют возможность посещать воскресные службы. Выбирается от 50 человек, могло быть и больше. Многие не приходят, потому что маленькое помещение, толкучка бывает, особенно с детьми. В целом постоянный пул – это 150–200 человек. На Пасху, когда нам чудом отдали собор Иоанна Шанхайского, пришло 500 человек. Те, кого я знаю по именам – 200 человек – это граждане Украины, России, Беларуси. По количеству сначала идут россияне, потом сербы, есть американцы, греки (о. И., интервью 28.08.22).

Во всех без исключения интервью говорилось, что состав приходов и общин (акторов констелляции) полинациональный, а это требует от священника навыков для живого общения с прихожанами, хорошего знания нескольких языков для выстраивания богослужения на разных языках. Таким образом, коммуникативная практика богослужения является мультиязычной.

Мы служим так: я чередую церковнославянский, английский и китайский языки. Когда было много румын, служили на румынском. Смотрю, кто пришел, и ориентируюсь. Клирос поет на церковнославянском и английском: собирается человек пять-шесть и величательно поют. Чтение Писания на церковнославянском, английском и китайском. На сербском читаем также. Такой обычай в нашей общине, что «Символ веры» на церковнославянском читается, но бывает, что и на четырех, и на девяти языках одновременно. «Отче наш» в общине читают все, кто

пришел, на своем языке. <...> На английском мы пользуемся переводом короля Якова, на китайском мы пользуемся католическим переводом. Берем то, что уже используется в этих православных странах. У меня служебники заложены заранее, смотрю каждый раз, кто пришел. Элемент спонтанности есть. Исповедь я могу выслушать на всех используемых в общине языках. Служба начинается в восемь утра, пока клирос поет Утреннюю, я исповедую индивидуально. А приходит регулярно на исповедь 30–40 человек. Получается по 2–3 минуты на человека, но этого времени достаточно, потому что они регулярно исповедуются. Час-полтора я исповедую, потом в 9.30 начинаем литургию (о. И., интервью 28.08.22).

Принципиально важно отметить, что литургия, проводимая полностью на китайском языке, – это сравнительно новая коммуникативная практика, локально привязанная к территории России, поскольку проводится в храме Китайского Патриаршего подворья в Москве для православных членов китайской диаспоры. Вместе с тем эта практика упоминается в интервью других священников как востребованная, поскольку записи литургий на китайском языке можно найти на YouTube-канале Подворья.

В последние несколько лет в медиа-ансамбль фигурации вошел Zoom. Прежде этот медиа использовался преимущественно только в тайваньских приходах для транслирования проводимых офлайн-семинаров и лекций православных мультиязычных общин. Богослужебную практику он стал опосредовать только в 2022 г. Онлайн-богослужения – чтения акафистов – вводились поначалу в рамках тайваньских приходов, члены которых имели возможность подключаться по ссылке для синхронного участия в практике. В дальнейшем с разрешения Священноначалия подключились и верующие, находящиеся на территории России и окормляемые в храме Китайского патриаршего подворья. Подробно этот момент освящен в интервью со священником, возглавляющим приходы на Тайване.

У нас проходят занятия обычно 2–3 раза в неделю. Занятия я веду на трех языках, что оказалось очень важным форматом для развития миссии. Для людей здесь очень важно иметь возможность зайти и задать вопрос, пообщаться с другими прихожанами, не в формате службы и чаепития только, а в формате урока, семинара, лекции. И сами богослужения, и занятия мы также транслируем в Zoom. Часто благодаря заявкам из Китая происходят некоторые занятия. Еще новый медиа у нас появился с начала 2022 г. – онлайн-богослужения в Zoom. Причем не в формате трансляции богослужения, а в формате живого участия всех, кто подключен, в проведении этого богослужения. Например, если это чтение Акафиста, то разбиваем на 14 частей, участники, находящиеся в разных городах, попеременно читают. С разрешения нашего священноначалия мы начали в этом году проводить онлайн-богослужения вместе с Китайским подворьем в Москве (о. К., интервью 31.08.22).

Говоря о локальной специфике медиапрактик, следует подчеркнуть, что анализ популярности различных медиа на Тайване стимулировал священника, возглавляющего приходы Тайваня, к созданию трех миссионерских YouTube-каналов – на русском, китайском и английском языках. В интервью он следующим образом охарактеризовал аудиторию и контент созданных каналов: «Я разделил бы аудиторию на три группы – люди верующие и неверующие, атеисты, т.е. люди внешние для миссии, которые могут прослушать и что-то их душу затронет. Я делаю видео не узконаправленным, а интересным для этих трех групп. Узко к китайцам можно выделять две группы. Первая – протестанты и католики, которые знают, о чем речь в плане Библии, христианства, но они присматриваются к православию, будучи уже инославными. А вторая – в Китае это атеисты, на Тайване это формально язычники без религиозной принадлежности, их большинство, из них молодое поколение даже не считают себя язычниками, они агностики, живут сегодняшним днем, заработал-купил, особенно религиозными вопросами не занимаются (о. К., интервью 31.08.22).

Отдельного внимания заслуживает вопрос – а как же приходят желающие стать православными или уже крещенные, как узнают о возможности помолиться, поговорить со священником о вере, о возможности причастия, исповеди, крещения? В интервью священники отвечали, что в ситуации духовного поиска современные жители мегаполисов адресуются к Интернету, сами ищут и находят соответствующие православные ресурсы – сайты,

мобильные приложения, онлайн-лекции священников о православии на английском, русском и китайском, группы в мессенджерах и социальных сетях. Для материкового Китая характерна онлайн-самоорганизация мирян и сочувствующих через китайскую социальную сеть WeChat. В интервью священники объяснили, что миряне, как правило, сами создают православные группы в этой сети, общаются там, там же размещают объявления о праздничных службах, назначают священнику офлайн-встречи для личного общения. Отдельной медиапрактикой большинства групп таких «приходских» чатов стали добровольные пожертвования на содержание приходов. Там же священники или миряне, выполняющие функции казначеев, вывешивают таблицы с отчетами о полученных и потраченных средствах.

Насколько можно судить по результатам сравнительного анализа интервью, самым значимым ресурсом для конверсии являются разнообразные медианиши православной миссии. Самыми значимыми среди них являются медиа, созданные усилиями гонконгской православной общины Храма святых апостолов Петра и Павла (Московский патриархат). В интервью священник, являющийся создателем и идейным вдохновителем медиапроекта православной миссии в Китае, отметил, что для общества Гонконга Интернет и православные медиа – это основной источник информации о православии.

У нас достаточно активная миссионерская деятельность в Интернете – много переводим, публикуем в бумажном и в электронном форматах. У нас есть блоги, сайты на китайском, английском и русском языках, несколько мобильных приложений мультиязычных, несколько групп в социальных сетях, в том числе в китайских, в Фб⁶ есть, конечно. Из сайтов, например: orthodox.cn, <https://orthodoxy.hk>. <...> Я сам веду группы в Фб, где предлагаю материалы и обсуждения, связанные с вопросами духовной жизни, духовной практики, общую информацию, касающуюся календаря духовной жизни, богослужений. Люди читают и потом приходят к нам. Иногда люди сами ищут и находят нас, кто-то комментирует. Через диалоги и комментарии люди заинтересовываются и приходят. Китайцы, которые создают устойчивый костяк, узнали о православной церкви и о нашем приходе из Интернета. Других возможностей узнать в большом городе и нет. <...> иногда в книжках, купленных через наш сайт. Есть магазины, в которых они продаются. Я всех их знаю лично, потому что, когда человек готовится к крещению, приходит к нам, знакомится, мы не спешим с этим. <...> Развитость технологий в гонконгском обществе также накладывает свой отпечаток. <...> лет семь назад для меня стало однозначно понятно, что нужно не сайты создавать, а приложения для телефонов. <...> Сайт нужен как удобное хранилище информации. Он регулярно обновляется, существует уже 15 лет как средство коммуникации – анонсов, новостей, информационной политики. За это время три раза сайт принципиально менялся по дизайну, движки менялись, он ушел от одноязычного к мультиязычному. И у нас есть теперь свои приложения. Мы официально зарегистрированный разработчик пяти приложений и для Android, и для Apple, на разных языках – английский, русский, китайский. Приложения по разной тематике: приходское, календарь, молитвослов, жития святых, книжный магазин. Человек, который делает наши приложения, – это штатная единица у нас, он сам верующий, православный, но работает на зарплате. <...> Это мой такой подход – дело всегда должен делать профессионал. Все приложения бесплатные, кроме библиотечного, на котором продаются электронные книги. Книги частично бесплатные, частично продаются. Приложения популярны, хорошие рейтинг, посещаемость, скачиваемость. Основные страны – Китай, Соединенные Штаты и Россия (о. Д., интервью 03.08.22).

Как следует из цитаты, коммуникативные практики православной миссии в Гонконге включают переводы православной литературы на китайский и английский языки, чтобы желающие могли иметь подспорье в деле освоения церковной жизни и богослужения, в изучении катехизиса и др. Отдельными видами православных медиапрактик миссии являются дискуссии в блогах и общение с интересующимися и воцерковленными в группах в социальных сетях. Глубокая медиатизированность гонконгского общества приводит к востребованности мобильных приложений. И таковые созданы и вглечены в практики православной миссии в Гонконге. Уникальность этих православных медиа заключается

⁶ Фейсбук принадлежит компании Meta Platforms Inc., запрещенной на территории России. – Прим. ред.

в том, что они мультязычны, построены в соответствии со стандартами новых медиатехнологий, являются средой для определенного вида православных медиапрактик.

Закключение. Проверка выдвинутой нами гипотезы о взаимосвязи разных категорий акторов (индивидуальных, общинных и организационных), коммуникативных практик и медиа позволила выявить транслокальный тип связи разных уровней фигурации православной миссии в Китае. Так, на микроуровне локальных фигураций православная миссия в разных городах КНР, Гонконга и Тайваня представлена констелляцией акторов, включающей конкретного священника и прихожан, посещающих богослужения, проводимые на территориях консульств и посольств. Коммуникативные практики локальных фигураций опосредованы фреймом православной миссии, релевантным социокультурным реалиям конкретного региона. Так, в КНР в ситуации запрета на миссионерскую деятельность и ограничений, налагаемых на православие как неофициальную религию, превалируют коммуникативные практики богослужения, неформализованного взаимодействия священника с мирянином или тем, кто интересуется православием и желает принять крещение. Общинное взаимодействие является самоорганизующимся и опосредовано медиа. Медиа-ансамбль локальных фигураций различных городов КНР ограничен социальной сетью WeChat. На Тайване медиа-ансамбль локальной фигурации шире, поскольку включает еще YouTube и Zoom. Вместе с тем анализ медиапрактик священников и мирян, принадлежащих к различным локальным фигурациям, показал, что они имеют отчетливые переплетения. Так, онлайн-чтения акафистов, опосредуемые Zoom, сделали возможным транслокальные переплетения практик акторов тайваньских приходов разных городов и акторов констелляции Китайского Патриаршего подворья. Созданные в миссионерских целях православные медиа гонконгского православного братства (сайты, мобильные приложения, блоги, группы в социальных сетях) способствуют конверсии, духовному просвещению, освоению доктрины и церковной жизни акторов, принадлежащих общинам других регионов Китая. Сопряжение различных категорий акторов, практик и медиа православной миссии в Китае в единую фигурацию фигураций осуществляется благодаря единому фрейму релевантности. Миссия определяется во всех без исключения интервью как чуждая прозелитизму, но нацеленная на индивидуальный диалог с человеком в духовном поиске, на языке взыскующего. В современных реалиях материкового Китая ведущими коммуникативными практиками миссии становятся православные богослужения, собирающие инициативных мирян разных национальностей, возрастов и профессий. В равной степени и само проживание православных священников в Китае является служением миссии, поскольку именно к ним по собственной инициативе приходят те, кто желают принять крещение, исповедаться и причаститься. В условиях глубокой медиатизации китайского общества православная миссия использует Интернет и новые медиатехнологии для создания православной медианиши со своим отчетливым репертуаром доктринальной и богослужебной литературы, со своим языком религиозного обращения, доступным для потенциального или актуального верующего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афони́на Л.А. Положение о религиозной деятельности 2018 года в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 5. С. 138–154.
- Горбачев Б.Н., Манакова Т.Б. Возрождение святыни. Успенский храм на территории российского посольства в Пекине. М.: Вост. лит-ра, 2013.
- Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: НОФМО, 2007.
- Косых А.Н., диак. Православная миссия в КНР и восстановление церковной жизни // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2017. № 3. С. 136–141.
- Косых А.Н., диак. Христианские церкви в Китае с 1978 по 2018 г.: сравнительный анализ. Автореф. дис. ... канд. богосл. наук. М.: ОЦАД, 2019.
- Ли Иннань. Миссионерская деятельность РПЦ в Китае – исторические уроки // Вестник культурологии. 2019. № 2. С. 194–207.

- Ломанов А.В. Адаптация и китаизация: современная религиозная политика руководства КПК // Международная аналитика. 2021. Т. 12. № 4. С. 88–105.
- Лукин А.В. Статус Китайской автономной православной церкви и перспективы православия в Китае // Аналитические доклады. 2013. Вып. 4 (39).
- Лян Чжэ. Православие в контексте современных российско-китайских отношений: взгляды китайских ученых // Вестник РУДН. Сер. Международные отношения. 2015. № 1. С. 79–87.
- Поздняев Д., прот. Православное сознание и китайский мир: от конфликта к диалогу. Владивосток: Приморский благовест, 2006.
- Couldry N., Hepp A. *Mediated Construction of Reality*. Cambridge: Polity Press, 2017.
- Hepp A. *Deep Mediatization*. New York: Routledge, 2020.
- Hepp A., Hasebrink U. Human interaction and communicative figurations. The transformation of mediatized cultures and societies // *Mediatization of Communication* / Ed. by K. Lundby. Berlin/Boston: De Gruyter, 2014. P. 249–271.
- Hepp A., Hasebrink U. Researching Transforming Communications in Times of Deep Mediatization: A Figurational Approach // *Communicative Figurations: Transforming Communications in Times of Deep Mediatization* / Ed. by A. Hepp, A. Breiter, U. Hasebrink. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. P. 23–24.

Статья поступила: 11.10.22. Принята к публикации: 26.01.23.

MEDIATED ORTHODOXY: MISSION IN CHINA

OSTROVSKAYA E.A.*, BADMATSYRENOV T.B.***, VASILIEVA S.V.**

*St. Petersburg State University, Russia; ** Dorzhi Banzarov Buryat State University, Russia

Elena A. OSTROVSKAYA, Dr. Sci. (Sociol.), Faculty of Sociology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia (e.ostrovskaya@spbu.ru); Timur B. BADMATSYRENOV, Dr. Sci. (Sociol.), Department of Political Science and Sociology (batorovitch@mail.ru); Svetlana V. VASILIEVA, Dr. Sci. (Hist.), Department of Religious Studies and Theology (sv_vasilieva@mail.ru). Both – Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia.

Acknowledgements. The study was funded by RFBR, project No. 21-011-44156.

Abstract. The rapidly unfolding processes of digitalization and mediatization are radically changing contours of social reality and semantic content of routine communication practices. Unprecedented arrangements of individuals, communications and media give rise to new meanings in translocal digital spaces of dialogue about different thematic sectors of reality. Religious websites, mobile applications, online lectures, sermons and divine services open up access to information and practices outside the boundaries of sacred territories and prescriptions expanding public discourse about religions, making available meanings previously hidden from external “non-church” or “uninitiated” search. In this article, we propose an examination of the current communicative practices of the Russian Orthodox Church mission in China. A respective sociological study may shed light on the interpretation of the mission by practicing priests serving in a foreign cultural environment, where Orthodoxy is a tiny island of sacredness for Russians as a “small nation” in several autonomous regions of the PRC and for those who came to it through individual spiritual search. This case makes it possible to get directly in touch with possible answers to questions about the very possibility of an Orthodox mission in societies of religious pluralism, at the same time deeply secularized, commercialized and individualized. Secondly, for many decades the Orthodox mission in China has been a subject of research by orientalist and historians. Paradoxically, a detailed study of the past of the Orthodox mission in China does not enable scholars to elucidate its present, especially specifics of the connections between the structures of the Russian Orthodox Church, various actors and communicative media practices of Orthodox missionary work.

Keywords: Orthodoxy, China, Missionary Activity, Digital Religion.

REFERENCES

- Afonina L.A. (2018) Regulations on religious activity in 2018 in the PRC. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Problems of the Far East]. No. 5: 138–154. (In Russ.)
- Couldry N., Hepp A. (2017) *Mediated Construction of Reality*. Cambridge: Polity Press.
- Datsyshen V.G. (2007) *Christianity in China: history and modernity*. Moscow: NOFMO. (In Russ.)
- Gorbachev B.N., Manakova T.B. (2013) *Revival of the shrine. Assumption Church on the territory of the Russian embassy in Beijing*. Moscow: Vost. lit-ra. (In Russ.)
- Hepp A. (2020) *Deep Mediatization*. New York: Routledge.
- Hepp A., Hasebrink U. Human interaction and communicative figurations. The transformation of mediatized cultures and societies. In: *Mediatization of Communication*. Ed. by K. Lundby. Berlin/Boston: De Gruyter, 2014: 249–271.
- Hepp A., Hasebrink U. (2018) Researching Transforming Communications in Times of Deep Mediatization: A Figurational Approach. In: *Communicative Figurations: Transforming Communications in Times of Deep Mediatization*. Ed. by A. Hepp, A. Breiter, U. Hasebrink. Cham: Palgrave Macmillan: 23–24.
- Kosykh A.N., deacon. (2017) Orthodox mission in China and the restoration of church life. *Vestnik Omskoy pravoslavnoy dukhovnoy seminarii* [Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary]. No. 3: 136–141. (In Russ.)
- Kosykh A.N., deacon. (2019) *Christian Churches in China from 1978 to 2018: A Comparative Analysis*. Autoref. dis. ... cand. theological sciences. Moscow: OCAD. (In Russ.)
- Li Yingnan. (2019) Missionary activity of the Russian Orthodox Church in China – historical lessons. *Vestnik kul'turologii*. [Bulletin of Culturology]. No. 2: 194–207. (In Russ.)
- Liang Zhe. (2015) Orthodoxy in the context of modern Russian-Chinese relations: the views of Chinese scientists. *Vestnik RUDN. Ser. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. International Relations series]. No. 1: 79–87. (In Russ.)
- Lomanov A.V. (2021) Adaptation and Sinicization: Modern Religious Policy of the CCP Leadership. *Mezhdunarodnaya analitika* [International Analytics]. V. 12. No. 4: 88–105. (In Russ.)
- Lukin A.V. (2013) The Status of the Chinese Autonomous Orthodox Church and the Perspectives of Orthodoxy in China. *Analiticheskiye doklady* [Analytical Reports]. Iss. 4 (39). (In Russ.)
- Pozdnyayev D., prot. (2006) *Orthodox consciousness and the Chinese world: from conflict to dialogue*. Vladivostok: Primorsky Blagovest. (In Russ.)

Received: 11.10.22. Accepted: 26.01.23.